

УДК 821.161.1.09

ВЫЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОГО МИРОВИДЕНИЯ В КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

А. В. Некрасова

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

В статье исследуется объективизация лексем концептуального поля *грех* в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», анализируется лексическая семантика выделенных слов в толковом словаре русского языка, описываются особенности их значения и функционирования в тексте произведения Н. В. Гоголя на основе контекстуальной семантизации, выявляется уникальность данного концептуального фрагмента художественного мира писателя.

Ключевые слова: *речевая объективизация, содержательное поле, синонимический ряд, конституенты содержательных полей.*

У Н. В. Гоголя, по словам И. Вишневской, «мы имеем дело с каким-то огромным единым замыслом, лишь условно разделенным на отдельные произведения [1, с. 102]. Н. В. Гоголь обращается к теме греха и добродетели, обнажает человеческую пошлость уже в раннем творчестве, пороки становятся объектом бичевания и в текстах более поздних, в том числе, безусловно, драматургических произведениях.

Анализ лексем содержательного поля *грех* тем более важен, что позволяет понять особенности мировоззрения писателя, поскольку он «всегда какими-то сторонами души живет в своих творениях», «сатира не может только бичевать других, вероятно, она будет тем сильнее и человечнее, чем больше вберет в себя и определенных пороков авторской природы» [1, с. 102]. Своими собственными душевными болезнями Н. В. Гоголь неоднократно делился со своими героями, раздавал персонажам произведений и тщеславие, и щегольство, и желание покушать. Исследование и семантизация языковых средств, используемых автором, позволит выявить индивидуально авторскую концепцию мира в рамках исследуемого фрагмента художественного мира писателя.

В «Ревизоре» каждый из героев наделен определенными отрицательными чертами: городничий – взяточник, высокомерный; жена его, Анна Андреевна, любопытна и тщеславна; Осип – плут; Земляника – плут и проныра. «Так я знаю, что за тобой как за всяким водятся грешки, потому что ты человек умный и не можешь пропускать того, что плывет в руки», – пишет Чмыхов в письме к городничему [2, с. 417]. Заметим здесь: умный, поэтому и грешный (грешный, потому что умный). Иначе в русском фольклоре: «А по мне, кто зол, тот и глуп. Вот я тоже не злой, стало быть, оба мы с тобой не дураки будем» [8]. «Нет человека, – говорит городничий, – который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и

вольтерианцы напрасно против этого говорят» [2, с. 419] (Вольтер бичевал социальное зло, коррупцию королевских чиновников, деспотизм самодержавной власти [6, с. 426]. Бог и грехи – понятия, идущие рядом: «Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует» [2, с. 419]. Глава города как благодетель почитает всякое взяточничество: «Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я вот, ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти» [2, с. 420]. Однако Бог ли покровительствует суду или сам дьявол, вопрос остается открытым: «В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда» [2, с. 423].

Эта реплика Аммоса Федоровича переключается с работой юрисконсульта по делу Чичикова: «Спешу вас уведомить, что по делу будет возня...» [2, с. 707]. «Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видало, и даже такие, которых и не было. Все пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и звания у кого любовница, и чья жена за кем волочится. Скандалы, соблазны и все так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел главнейшая чепуха: оба казались равного достоинства. Когда стали, наконец, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять...» [2, с. 715].

В комедии показаны практически все человеческие пороки: *высокомерие, зависть, гнев, чревоугодие, пьянство, праздность, блуд, ложь и кощунство*. О гордости речь шла в предыдущем исследовании, поэтому здесь мы остановимся на остальных указанных лексемах. Чувство досады, вызванное превосходством, желанием иметь то, что есть у другого, «нежелание добра другому, а одному лишь себе» [4, т. 1, с. 560], или *зависть*, выражено в комедии, по-видимому, на трех уровнях, в трех взаимонаправленных отношениях: 1) городничий (его семейство) – город; 2) Анна Андреевна – Марья Антоновна; 3) Петр Иванович Бобчинский – Петр Иванович Добчинский.

Артемий Филиппович восхищен и возмущен умением Антона Антоновича красиво врать: «Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!» [2, с. 437]. Зависть к городничему вызвана и занимаемым им постом градоначальника: «Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы» (Аммос Федорович) [2, с. 462]. Зависть городничего связана с добром, скарбом, что имеют купцы, он учиняет разбой в их лавках и домах, «все (всякую дрянь) берет» [2, с. 451], жадничает («стремится присвоить себе всё одному» [4, т. 1, с. 524]. «Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне» [2, с. 451]; «чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую

горсть туда запустит» [2, с. 451]; «такие обиды чинит», «постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай» [2, с. 451], – жалуются купцы.

Разговоры Анны Андреевны и Марьи Антоновны сводятся к обсуждению мужчин и нарядов. Как две женщины они соперничают друг с другом, зависть стоит в одном синонимическом ряду с ревностью: «Где ему смотреть на тебя? И с какой стати смотреть на тебя?» – «Право, маменька, все смотрел»; «Ах, маменька! Ведь это он мне говорил» [2, с. 461]. «Городские сплетники» Бобчинский и Добчинский настолько похожи и выполняют настолько схожие функции в действии, и исследователи творчества Гоголя отмечают мотив двойничества персонажей у писателя [7, с. 85], что по замыслу некоторых режиссеров их роли исполняет один актер [3].

Гнев, злоба, раздражение выражаются в тексте с помощью лексики оскорбительного характера, проклятий, угроз, наговоров, погрома, драки. Хлестаков грубо обращается к слугам (дурак, скотина, грубое животное, поросенок скверный), без внимания не остаются хозяева трактиров (подлецы, мошенники, каналы, бездельники), сквернословят попечитель богоугодных заведений, Лука Лукич, судья (свинья, пачкуны проклятые, колпаки, сморчки короткобрюхие). Проклятия сыплются на голову городничего от слесарши: «Пошли ему Бог всякое зло!..» [2, с. 452]. Постоянно выходит из себя городничий, когда что не по нему, негодует Хлестаков, раздражается Анна Андреевна на мужа и дочь, недовольны купцы, мещане деятельностью градоначальника, Осип сердится на хозяина, в Саратовской губернии вне себя от ярости отец Хлестакова.

За пределами сценического действия имеют место драки и рукоприкладство (ср.: «давать волю рукам, быть скорым на побои, наказания» [4, т. 1, с. 490]): «Где же он там живет?» – «В пятом номере под лестницей» – «В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры» [2, с. 422], и полицейские применяют силу необузданно, без выяснения обстоятельств дела: «Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому, и виноватому» [2, с. 425]. Ни за что, «по ошибке», высечена унтер-офицерская жена: «Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла» [2, с. 453].

Жесты и мимика персонажей, которыми сопровождаются реплики, также передают их состояние гнева, сравним: «делает гримасу», «с лицом, принимающим ироническое выражение», «с укоризной», «встает в негодовании», «с неудовольствием», «бьет себя по лбу», «в сердцах», «в исступлении», «грозит самому себе кулаком», «стучит от злости ногами об пол», «сует кулаком и бьет каблуком в пол».

Герои Гоголя предаются *чревоугодию* («житию для еды» [4, т. 4, с. 590–591]), *пьянству* («неумеренному питию вина, хмельных напитков» [4, т. 3, с. 549]) и *праздности* (состоянию по прил. «бездельный, суетный, пустой, в чем нет ничего дельного, полезного» [4, т. 3, с. 380]). Хлестаков, слуга его Осип, городничий, Артемий Филиппович, Добчинский, все не прочь вкусно и плотно закусить: «Вы очень хорошо угостили завтраком. – Рад стараться на службу отечеству. – Я – признаюсь, это моя слабость, – люблю хорошую кухню» (Хлестаков и смотритель богоугодных заведений) [2, с. 447]; «Вы будете в

большом, большом счастья, в золотом платье ходить и деликатные всякие супы кушать...» (Добчинский Анне Андреевне) [2, с. 460]; городничий мечтает о Петербурге: «Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть» [2, с. 458].

«Прוצветает» в городе *пьянство* («на улицах кабаки»), хотя городничий заявляет, что купцы у него «люди трезвые и поведения хорошего» [2, с. 430]. Прохоров, призванный следить за порядком, «к делу не может быть употреблен», «привезли его поутру мертвецки». Заседателя уездного суда «в детстве мамка ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою» [2, с. 418]. Впрочем, тут пьют, как и везде: «Почтмейстер, – пишет Хлестаков Тряпичкину, – точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую» [2, с. 464].

Сквозник-Дмухановский, получив известие о прибытии ревизора, в быстро порядке создает видимость деятельности: «Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную веху, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя» [2, с. 424]. Артемий Филиппович доносит Хлестакову на почтмейстера: «Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает» [2, с. 447]. Осип читает себе нравоучения для своего барина: «Иной раз все до последней рубашки спустит... А отчего? – оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет» [2, с. 426]. Хлестаков так о себе и говорит: «жуирую» (фр. *jouir* «наслаждаться жизнью, веселится светскими забавами, жить весело», Даль). Отметим здесь, что употребление лексем «*праздный*» и «*праздность*» связана с негативной коннотацией этих слов в народной среде и относится к греховному поведению: «Праздный на грех натолкнется», «Праздным грех качает», «Праздность мать пороков» [4, т. 3, с. 380].

Неоднократно упоминается в тексте о *блуде* («уклонении от прямого пути»; «незаконном, безбрачном сожитии, любодействе» [4, т. 1, с. 99]). «Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен» [2, с. 446], – говорит Хлестаков Луке Лукичу и затем в письме признается: «волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, – думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги» [2, с. 463]. Земляника тоже о судье отзываясь: «поведения самого предосудительного» [2, с. 447]: «Здесь есть один помещик, Добчинский <...> и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... И нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья» [2, с. 447].

На *лжи* (ср. у Даля *вранье, лганье, неправда, противное истине* [4, т. 2, с. 241]) построено все происшествие комедии, начиная с ситуации мнимого ревизора (Хлестаков – «лживый олицетворенный обман») и заканчивая деятельностью и разговорами действующих лиц. Искусство врать представлено в тексте целым рядом слов, сочетаний и идиом: стянуть всю штуку, туману напустить, подпустить турусы, пули отливать, славно завязать узелок, прилгнуть (не прилгнувши не говорится никакая речь), *заламливать аллегории и экивоки*, слову Цицероном с языка слетать, обманывать,

обмеривать, надувать, плутовать, обедать на шерамыжку, провести, поддевать на уду, одурачить, подпустить пыли.

Ложь в некоторых местах доходит до откровенного кощунства (*осквернения или поругания* [4, т. 2, с. 183]): «Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела» [2, с. 425], – говорит городничий частному приставу. Или вот меры Артемия Филипповича с Христианом Ивановичем по врачеванию больных: «Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет» [2, с. 418]; «С тех пор как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, все как мухи выздоравливают...» [2, с. 437]. Ю. Манн отмечает, что лечение в сих богоугодных заведениях таково, каково владение русским языком уездного лекаря Гибнера [7, с. 55–59]. Поруганию подвергаются и основные христианские добродетели в отношении к родным, когда вещи неживые уподобляются живым и наоборот и имеют равную ценность. Хлестаков оправдывается: «Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как *бревно*...» [2, с. 430], а далее объясняет причины своего возвращения в Саратовскую губернию: «...мой отец упрям и глуп, старый хрен, как *бревно*» [2, с. 432]. Друг Тряпичкин «отца родного не пощадит для словца», а чиновники, собираясь подсунуть ревизору деньги, пристают к судьбе: «Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте *отцом* нашим!...» [2, с. 444] (Выделено мной – А. Н.).

У городничего и люди кругом обманщики и воры (ср.: у Даля: «Кто лжет, тот и крадет» [4, т. 2, с. 241]): «Проклятый купчишка Абдулин – видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят»; «Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, – смотри, у меня ухо остро!...» [2, с. 424].

Таким образом, содержательное поле *грех* представлено в комедии конституентами: *гордыня, зависть, гнев, чревоугодие, блуд, жадность, пьянство, кощунство, лень и ложь*. Уныние не находит в тексте объективизации в силу своей рефлексивной природы, тогда как персонажи «Ревизора» не задумываются о своих поступках, они также далеки от Бога, чтобы усомниться в его существовании. В реплике городничего «Чему смеетесь? над собой смеетесь» заключается над-образный смысл комедии, где зритель / читатель должен содрогнуться от собственной ничтожности [5], но сочетание несочетаемого кощунственно для восприятия: «Вот смотрите, смотрите весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий».

Список литературы

1. Вишневская, И. О чем написана «Женитьба» [Текст] / И. Вишневская // Театр. – 1973. – № 1. – С. 98-112.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе [Текст] / Н. В. Гоголь. – М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
3. Гоголь, Н. В. Ревизор [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа: <http://kinofilms.tv/film/revizor/15158/>. – Дата обращения: 16.07.2012. – Загл. с экрана.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : ТЕРРА, 1995.
5. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений [Электронный ресурс] / М. М. Дунаев // Русский Гуманитарный Интернет-Университет. – Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/9/. – Дата обращения: 16.08.2012. – Загл. с экрана.
6. Жирмунская, Н. Послесловие [Текст] / Н. Жирмунская // Философские повести / Э. А. Вольтер. – Л. : «Художественная литература», 1988. – 432 с.
7. Манн, Ю. Постигая Гоголя [Текст] / Ю. Манн. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 206 с.
8. Сказ об Иване-дураке [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://mults.info/mults/?id=631>. – Дата обращения: 16.07.2012. – Загл. с экрана.

IDENTIFICATION OF THE AUTHOR'S VIEW IN THE NIKOLAI GOGOL'S COMEDY "THE INSPECTOR GENERAL"

A.V. Neckrasova

Tver State University
The department of russian language

In this article is studied the concept of the field tokens objectification sin in Nikolai Gogol's comedy "The Inspector General". The author analyses the lexical semantics of selected words in the explanatory dictionary of the Russian language, describes the features of their meaning and function in the text of Nikolai Gogol's work on the basis of contextual semantization and reveals the uniqueness of this piece of conceptual art world of the writer.

Key words: *speech* objectification, informative field, a number of synonyms, content fields constituents

Об авторах:

НЕКРАСОВА Анна Вячеславовна – соискатель кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: nekrasova3004@yandex.ru